

Ван Чжэнь происходил из Клана Ван из Ланъя, поэтому многие вещи Тан Шэнь не мог бы купить, даже имея кучу денег, — например, посеребренные свечи, которые при горении не дымили и не раздражали глаза. Проверив содержимое своей экзаменационной корзины с длинными ручками, Тан Шэнь обменялся парой слов с управляющим. В этот момент величественные ворота Академии экзаменов Шэнцзина с грохотом распахнулись. Из них вышли два ряда стражников и громко прокричали:

— Экзаменующиеся, заходите!

Один стражник заканчивал кричать, и его крик тут же подхватывал другой.

Призыв прозвучал двенадцать раз подряд, эхом разносясь под самыми облаками, чтобы каждый стоящий снаружи кандидат точно его услышал.

Тан Шэнь поднял корзину с длинными ручками и произнес:

— Я пошел.

Управляющий остановил его:

— Молодой господин Тан, есть еще кое-что.

Тан Шэнь замер:

— Что такое?

Управляющий ответил:

— Перед моим уходом молодой господин просил передать вам одну вещь: все помнят чжуаньюаня, но мало кто помнит хуэйюаня. Готовы ли вы к дворцовому экзамену в следующем месяце?

Тан Шэнь застыл на месте. Пройдя в экзаменационный двор, он отыскал свою келью. Глядя на лежащие в корзине посеребренные свечи, он долго размышлял, а затем с досадой пробормотал:

— Ван Цзыфэн, Ван Цзыфэн... Неужели нельзя сказать прямо? Обязательно ходить вокруг да около. У кого ты только набрался этой дурной привычки!

Чжуаньюань славится на всю Поднебесную, а о хуэйюане почти никто не помнит.

Этим Ван Чжэнь утешал его: даже если он не займет первое место на столичном экзамене, расстраиваться не стоит. Но в то же время это было и предостережением. Ван Чжэнь беспокоился, что в погоне за высоким результатом на столичном экзамене Тан Шэнь растратит слишком много сил или решит пойти на неоправданный риск, совершит ошибку и в итоге вообще не сдаст на степень цзиньши!

И все же в одном Ван Чжэнь был прав.

В глазах Тан Шэня вспыхнул решительный огонь.

— И десяток хуэйюаней не сравнятся с одним чжуаньюанем! На этом столичном экзамене собралось множество талантов, войти в тройку лучших будет невероятно трудно. Все, к чему я стремлюсь, — это быть лично выбранным императором в Золотом чертоге и войти в Третью

группу выпускников! На дворцовом экзамене не проверяют умение писать сочинения «багу» или стихи на заданные рифмы, там оценивают лишь рассуждения на злободневные темы. В такой работе главное — суть суждений, а изящество слога вторично. И это мой шанс!

Зайдя в экзаменационный двор девятого числа второго месяца, кандидаты должны были ждать полуночи десятого числа, когда наконец объявят темы.

Тан Шэнь лег спать пораньше и проснулся незадолго до полуночи. Он чинно сидел в своей келье, ожидая, когда стражники раздадут листы с заданиями. Вместе с ним томились в ожидании тысячи других кандидатов. Это был столичный экзамен — важнейшее испытание в их жизни. Далеко не каждому суждено войти в Третью группу выпускников на дворцовом экзамене и показать блестящий результат. Но на дворцовом экзамене никого не отсеивают, там лишь распределяют места.

Столичный экзамен был для них последней возможностью, где требовалось выложиться без остатка, чтобы пройти дальше.

На башне Минъюань главный экзаменатор столичного экзамена двадцать седьмого года под девизом правления Кайпин, Ученый Ли, с силой ударил в гонг, возвещая о начале испытаний.

Получив лист с заданиями, Тан Шэнь глубоко вздохнул и перевернул его.

Первая тема для восьмичленного сочинения «багу» гласила: «Прощение о приеме от стражника И».

В этот момент подул холодный зимний ветер, и все ученые мужи, прочитавшие тему, содрогнулись, словно их сердца рухнули в ледяную бездну.

Даже Тан Шэнь, увидев задание, невольно вскинул голову и посмотрел в сторону башни Минъюань. Пусть он не мог разглядеть стоявшего там Ученого Ли и остальных помощников экзаменатора, ему нестерпимо хотелось выругаться.

— Какое бесстыдство!!! — выкрикнул за него цзюйжэнь из соседней кельи.

Тема «Прощение о приеме от стражника И» была взята из главы «Ба и» книги «Лунь юй». В оригинале это место звучит так: «Стражник пограничной заставы в И просил о приеме, сказав: „Когда благородные мужи прибывают сюда, я никогда не лишаюсь возможности повидаться с ними“. Слуги представили его. Выйдя от Учителя, он сказал: „Чего вам, ученики, скорбеть об утрате постов? В Поднебесной давно уже нет пути. Небо сделает Учителя своим вестником“».

Это означало, что некий смотритель из местности И, прослышав о прибытии Конфуция, попросил о встрече с ним, сказав: «Ни один благородный муж, проезжающий здешние края, не миновал меня». Слуги Конфуция устроили им встречу. Выйдя после беседы, смотритель обратился к ученикам Конфуция: «К чему вам печалиться из-за смут в Поднебесной? Мир пребывает в хаосе уже давно, но Небо ниспошлет вашего учителя как вестника истины, дабы наставить народ и вернуть порядок на землю».

Эти строки прославляли добродетели и деяния Конфуция устами постороннего человека.

Но Ученый Ли умудрился вычленив из этого фрагмента фразу «Прощение о приеме от стражника И» и сделать ее темой сочинения!

Если отталкиваться от общего контекста главы, раскрыть тему не составило бы труда. Однако

правила требовали, чтобы все рассуждения крутились исключительно вокруг этих слов — «Прощение о приеме от стражника И».

Смотритель заставы просит аудиенции у Конфуция.

Написать на основе одной этой фразы целое сочинение — задача не из легких!

В стенах Академии экзаменов Шэнцзина кандидаты-цзюйжэни в отчаянии рвали на себе волосы, растерянно глядя на листы бумаги и не зная, с чего начать. Ученый Ли в свое время успешно сдал экзамен на степень цзиньши и теперь почивал на лаврах всемирно известного мудреца, но ведь простым цзюйжэням в академии еще только предстояло пробивать себе дорогу в жизнь! Выбрать столь каверзную тему, чтобы загнать их в тупик, — неудивительно, что экзаменуемые в один голос проклинали его за такое бесстыдство.

Впрочем, сколько ни ругайся, писать работу все равно придется.

Тан Шэнь выводил иероглифы на черновике, набрасывая варианты вступления, но ни один его не устраивал. На такую тему легко было написать что-то невпопад, а малейшее отклонение от сути или, упаси боже, неосторожная крамольная мысль могли поставить крест на его столичном экзамене.

Ван Чжэнь советовал действовать наверняка: не гнаться за первым местом, а думать прежде всего о том, как пройти на дворцовый экзамен. И уже закрепившись там, бороться за высокий ранг.

«Неужели Ван Цзыфэн заранее знал, что Ученый Ли выберет такую каверзную тему, на которой легко срезаться?» — с горечью подумал Тан Шэнь.

Но тут же отбросил эту мысль: такое было исключено. Ведь из-за Тан Шэня Ван Чжэнь заранее взял самоотвод, чтобы избежать обвинений в кумовстве, и никак не мог войти в состав экзаменационной комиссии этого столичного экзамена.

Столичный экзамен отличался от прочих: главным экзаменатором здесь обязательно назначали высшего чиновника из Центрального секретариата, да и трое его помощников тоже занимали высокие посты в этом ведомстве. Ван Чжэнь стал чжуаньюанем в семнадцать лет. На двух предыдущих столичных экзаменах ему еще не хватало опыта, поэтому он выступал лишь в роли помощника экзаменатора, но не главного. Ходили слухи, что в этом году главным назначат именно его. Однако поскольку в экзамене участвовал его младший соученик Тан Шэнь, Ван Чжэню пришлось устраниваться, и на сей раз он не вошел даже в число помощников.

Пост главного экзаменатора на столичном экзамене считался величайшим достижением для любого чиновника, главным рубежом на его карьерном пути в чиновничьей среде.

Впрочем, через три года, на следующем экзамене, шансы Ван Чжэня занять это место с учетом его опыта будут еще выше.

Прогнав лишние мысли, Тан Шэнь вздохнул и вернулся к заданию.

Смотритель заставы ищет встречи с Конфуцием, беседует с ним и выражает искреннее восхищение. Еще до встречи он называет его благородным мужем. Стало быть, в теме «Прощение о приеме от стражника И» главное — это «прощение»! Слово «прощение» подчеркивает не только глубокое почтение смотрителя к Конфуцию, но и то, что его визит — это обращение к святому мужу, истинному благородному мужу.

И благоговение зрителя перед встречей с Конфуцием, и его слова после разговора с ним — все это служит прославлению высоких добродетелей и деяний мудреца.

Зритель из земель И жаждал увидеть Конфуция. Но разве в поднебесном мире нашелся бы хоть один человек, который не мечтал бы о том же?

Даже сейчас, тысячу лет спустя, любой из десяти с лишним тысяч цзюйжэней, склонивших головы над бумагой в своих тесных кельях, отдал бы все за такую встречу!

В памяти Тан Шэня некстати всплыли поэтические строки: «Когда рождались вы, меня еще не знали, когда родился я, вы стары уже стали».

Не в то время родился!

Вдохновение внезапно нахлынуло на него. Тан Шэнь схватил кисть и быстро набросал на черновике: «Зритель возжелал узреть святого мудреца и смиренно просил о приеме, а увидев его, восхитился деяниями его. Коли Небо рождает Учителя, а людям не дано узреть его, трижды просить должно о явлении слова святого мудреца, дабы узреть святость его, пусть даже и неосознанно...»

Определив основную мысль, Тан Шэнь принялся тщательно выстраивать текст, взвешивая каждое предложение. На написание сочинения у него ушло четыре часа.

Он облегченно перевел дух.

Первая тема столичного экзамена оказалась невероятно сложной. В такой ситуации Тан Шэнь не гнался за выдающимся успехом, а лишь стремился не совершить ошибок. По его мнению, сочинение вышло весьма оригинальным. Благодаря наставлениям Лян Суна и Ван Чжэня он отлично овладел искусством написания «багу»: его рассуждения всегда отличались строгой структурой и безупречным слогом. Если вступление написано верно, то и в остальной части ошибок не будет.

Немного передохнув и аккуратно переписав сочинение начисто, Тан Шэнь перешел ко второму вопросу.

Вглядевшись в написанное, он ошеломленно округлил глаза. Шумно выдохнув, Тан Шэнь посмотрел на возвышающуюся вдали башню Минъюань и мысленно взвыл:

— Какое бесстыдство!!!

Вторая тема столичного экзамена в Шэнцзине двадцать седьмого года под девизом правления Кайпин гласила:

«Бегущие от Мо неизбежно приходят к Ян»!

Примечание автора:

Сосед Ван: Какое совпадение, я тоже люблю острую кроличью голову.

Изречение «Бегущие от Мо неизбежно приходят к Ян» взято из главы «Цзинь синь» трактата «Мэн-цзы». Полностью фраза звучит так: «Бегущие от учения Мо неизбежно приходят к учению Ян, а бегущие от учения Ян неизбежно приходят к конфуцианству».

В эпоху Сражающихся царств соперничество ста школ было уже не столь бурным, как во

времена «Чуньцю». В обществе преобладали три основных философских течения: школы Мо-цзы (моизм), Ян Чжу и конфуцианство. Словами «Бегущие от Мо неизбежно приходят к Ян» Мэн-цзы давал оценку этим трем учениям. Это означало: «Отвергнув учение Мо-цзы, человек неизбежно обратится к учению Ян Чжу. А отвергнув учение Ян Чжу, он неизбежно придет к конфуцианству».

Иными словами, с точки зрения автора «Мэн-цзы», конфуцианство являлось единственным ортодоксальным учением, истинным путем, к которому в конечном счете должны прийти сторонники всех остальных философских школ.

<http://bllate.org/book/18292/1754515>